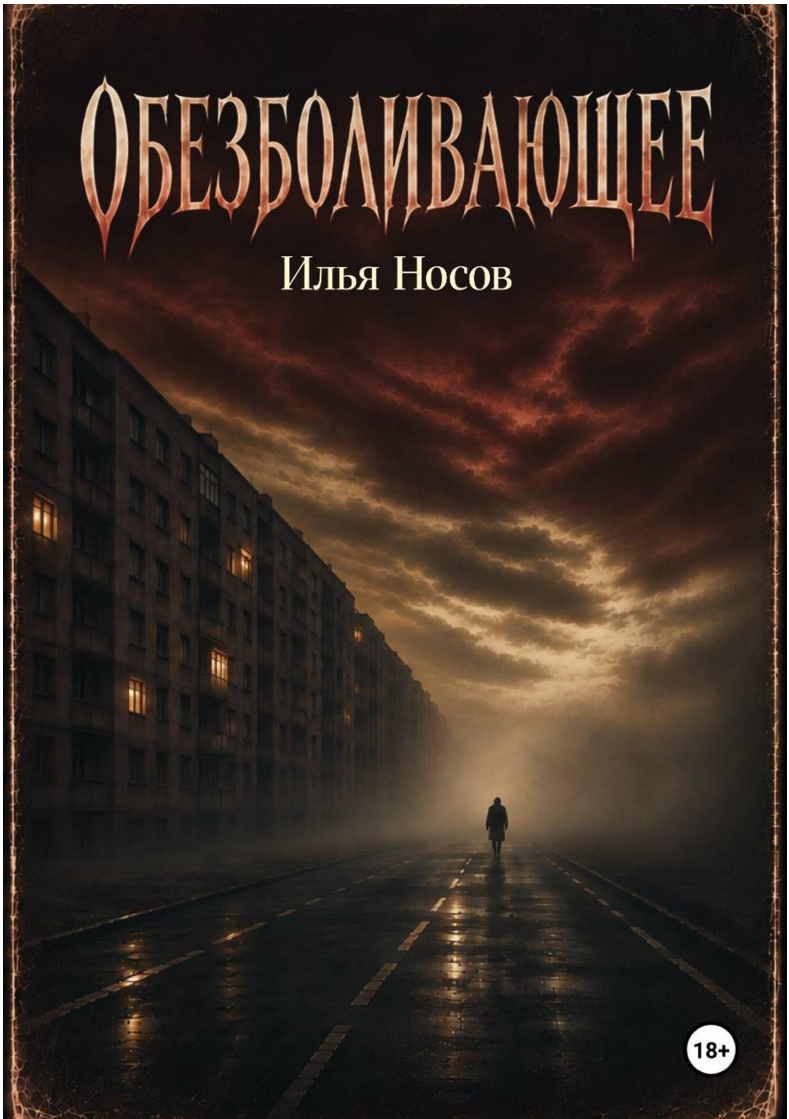
Обезболивающее

Илья Носов

18+

Илья Носов
Обезболивающее

https://litres.ru/74725943
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы уверены, что хотите открыть первую страницу?

В тени разума, в темной половине человечества всегда живет страх. Ужасы таятся в снах, в привычных вещах, в нас самих — и порой оказываются сильнее логики.

Боль стала доказательством жизни. Любовь, надежда, человечность — вот ради чего стоит жить, пока действует обезболивающее!

Шесть историй. Шесть судеб. Шесть кошмаров.

Уверены, что захотите закрыть последнюю?

Содержание

Dark Holiday 7
Shadow Tepes 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Илья Носов
Обезболивающее

Илья Носов

Dark Holiday

1.Трудная история

Пустая лесная дорога. Высокие сосны закрывали небо, оставляя лишь узкую полоску облаков. Утренний мороз пробирал сквозь лобовое стекло, сливаясь с холодным встречным ветром. Звук мотора согревал душу. В наушниках гремела музыка, которую он когда-то играл. Рокот двигателя, конечно, звучал иначе, но энергия этого бешеного механизма была сравнима с энергией заводящей толпы, двигающейся в безумном ритме блэк-метала. Красная кожаная куртка, широкие черные джинсы и тяжелые ботинки — так был одет Гилз Гостен. Когда-то он был гитаристом группы «Dark Holiday».

Группа играла блэк-метал и собирала неравнодушную к мрачной музыке аудиторию. Несмотря на специфичность жанра, коммерческое положение коллектива было вполне позитивным. Но новоиспеченная звезда — Гилз — стал все чаще пропадать на тусовках, не жалея ни нервной системы, ни внутренних органов. Срываясь до беспамятства, он поглощал самые разные таблетки и порошки, искренне считая себя бессмертным. Однако реальность оказалась куда бо-

лее разочаровывающей. Он не был бессмертен. Внутри группы назревал творческий кризис, менеджер бросил их, украв права на несколько песен, а музыкальные лейблы не хотели брать новый материал. Все шло к распаду. Нужно было чинить самолет, но пилот и пассажиры предпочли прыгнуть с парашютами.

«Dark Holiday» отправилась в прощальный тур. Для Гилза это означало смерть. Пристрастие к яду обострилось до предела. Тур закончился. Пути участников разошлись, у каждого началась новая жизнь, обеспеченная отступными. Парашюты раскрылись, и все благополучно приземлились. Но не Гилз. Он остался где-то там, на сцене. Вместо него домой вернулся искалеченный, слегка обезумевший наркоман.

Ему повезло. Бывшие коллеги не бросили его и помогли с лечением. Три года он боролся с зависимостью, собирая по крупицам себя прежнего. Он смог спуститься со сцены и спрятать гитару в шкаф, рядом с коробкой воспоминаний. За эти три года деньги с продажи мерча, дисков и музыкальной дистрибуции сложились в солидный капитал. Гилз купил себе небольшой дом, машину и расплатился с долгами. Так, в тридцать три года, перед ним расстелился чистый лист.

И все же репутация бывшего наркомана закрыла многие двери и заставила отвернуться старых знакомых. Ему не звонили, его не звали. И как бы он ни пытался пробиться к кому-нибудь, в ответ слышал лишь осуждение и почти открытое презрение. Оставшись в пустом доме, он не отчаялся. Он

решил начать новую жизнь с дороги. Взяв карту и наметив маршрут, Гилз отправился в собственное турне.

Он проезжал города, успевая насладиться обыденной жизнью местных жителей, посидеть в кафе и ресторанах, посетить культурные достопримечательности. Впрочем, они не сильно его интересовали, но раз уж он здесь, то на его шее висел некий долг — посетить подобные места. Бывали вечера, когда он забредал в небольшие бары, где на сцене выступали начинающие группы. В них он видел себя. Того юного и неизвестного Гилза, идущего робкими шагами за своей мечтой.

Долго Гостен в одном месте не задерживался. И вот теперь, скользя по лесной трассе, скрытой высокими соснами, он мчался навстречу Москоу, штат Огайо. Тихому, спокойному, древнему городу, известному несокрушимостью своего общества. Когда-то мощное торнадо снесло почти восемьдесят процентов его домов, но местные жители отстроили все заново. Несмотря на все сложности, они сохраняли сильное чувство общности и гордились своей историей. Несгибаемый стержень этих людей притягивал Гилза.

2.Встреча со старыми друзьями

Сгущались сумерки. Дорогу окутывал густой, липкий мрак. До Москоу было еще далеко, а перспектива спать в машине на обочине совсем не радовала. На этом участке не

было отмечено ни одного поворота, съезда или населенного пункта. Гилз продолжал впиваться взглядом в черноту, надеясь увидеть спасительный указатель хотя бы к самому дешевому и грязному мотелю.

Шли минуты, перетекающие в часы. Глаза сильно устали, стекло машины словно заросло туманом. Сонное состояние одолевало Гостена. Ему начало казаться, что в воздух примешиваются черные, маслянистые клубы дыма. Он чувствовал: еще полчаса такой езды — и аварии не избежать.

— О чудо... Не может быть! — Гилз нервно рассмеялся и потер лицо, надеясь прогнать наваждение. — Нет, мне не кажется! Глазам не верю! Это... Это судьба!

Сбавив скорость на повороте, он свернул на простенькую грунтовку. Свет фар почему-то сразу стал тусклым, пробиваясь сквозь пыль всего на пару метров, но водителя это уже не волновало. Он замер в недоумении, глядя на покосившуюся придорожную вывеску: «Добро пожаловать в Dark Holiday». «Никогда не слышал, чтобы так назывался населенный пункт... Навевает воспоминания, черт возьми», — подумал он, стряхивая странную меланхолию.

Ехать становилось все труднее. Показались первые дома. Мрачные, темные избы смотрели на него пустыми глазницами окон. Из-за грязных занавесок вырывался болезненно-красный свет. Уличных фонарей не было. Вдалеке тявкали собаки, скрипели, а в доме прямо за спиной Гостена пронзительно, не по-человечески взвизгнула женщина.

Волосы на затылке шевельнулись. По коже пробежал холодок. «Dark Holiday» встречал ночного путника недобро.

Гилз остановился у ближайшего дома. Строение казалось древним, срубленным еще в позапрошлом веке. Двухэтажное, темное, вытянутое вверх, с длинной низкой пристройкой, откуда доносилось хрюканье и тяжелое дыхание крупных животных. Несмотря на поздний час, вокруг стоял шум. Он хотел спать. Его чудовищно клонило в сон, ему было плевать на крики и хохот. Гилз вышел из машины и постучал в тяжелую дубовую дверь.

Послышались шаркающие шаги. Дверь скрипнула. На пороге стояла старуха с редкими седыми волосами. Выглядела она скверно: дряблая кожа, впалые щеки. Но несмотря на этот убогий старческий вид, ее глаза горели яростным, неестественно молодым огнем, а на губах играла широкая улыбка. Ровные, ослепительно белые зубы особенно сильно контрастировали с мраком вокруг. Этот приветливый оскал пугал куда больше, чем если бы она сразу выставила его за дверь.

— Привет! — Звонко, почти по-девичьи сказала бабушка. Гилз так и застыл с маской неприкрытого удивления. Голос звучал неправдоподобно молодо и очаровывающе. — Чего тут стоишь, милый? Что-то нужно?

— Ну... Я ищу гостиницу или мотель какой-нибудь. Мне переночевать... Здесь есть что-нибудь такое? — объяснял Гилз полусонным голосом, все еще пытаясь прийти в себя

от шока.

— Ой... Нет, ну есть, конечно, но тебе лучше туда не ходить... — она немного поморщилась, и ее белозубая улыбка дрогнула. — Там гости собрались. Шумный банкет... тебя вряд ли положат спать.

— Понятно, — медленно выдохнул Гилз, машинально доставая сигарету. — Ладно, я тогда пойду... Спокойной ночи.

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась она. — И куда ты пойдешь, милый? Заходи ко мне. Меня, кстати, Синзи зовут. А тебя? — Кокетливая улыбка снова вылезла из темноты. Она распахнула дверь шире и манящим жестом поманила его внутрь.

На ней было надето черное платье с белым кружевным воротничком. Гилзу становилось не по себе. «Может, это местная сумасшедшая? Почему эта карга ведет себя как молодая девица?»

— Даже не знаю... Никто не будет против?

— Давай заходи. Только имя свое скажи! — тон ее мгновенно стал жестче.

— Ой, ну да. Меня зовут Гилз... Гилз Гостен.

— Гилз, значит... Хорошо, хорошо. Ты проходи на кухню. Я сейчас отойду ненадолго, привести себя в порядок. Ты пока посиди. Ешь аккуратнее, булочки на столе, они с чесноком!

Старушка неестественно быстро, почти скользя, побежала вверх по крутой лестнице, и ее черное платье мелькнуло в

тени.

Гилз зашел на кухню. Он был совершенно сбит с толку. Все события происходили слишком быстро, складываясь в какую-то злую, сюрреалистичную шутку. Но он был слишком уставшим. Он хотел поесть и упасть в кровать, не больше.

Сидя на стуле, он уронил голову на грудь. Пытался не уснуть, но веки сами собой намертво склеились. Лишь краем уха он улавливал странные, влажные булькающие звуки, идущие откуда-то из подпола. Запах чеснока и пряного теста окутывал его уютной теплой дымкой, словно тяжелое одеяло. Пол под ногами превратился в самую удобную кровать, о которой можно было только мечтать.

«Dark Holiday» больше не казался таким враждебным. Местные жители, сквозь дрему, представлялись Гилзу такими же чудаковатыми, сломанными и странными, как его старые приятели по группе. И эта мысль, странное дело, его успокоила.

3.Луч солнца осветил...

Гостен проснулся. Протирая глаза, он с ужасом вспоминал вчерашний вечер. Страшная бабка, смертельная усталость, чесночные булочки, крики, какие-то шумные гости в гостинице. Он был жив, кошелек на месте, ключи от машины в кармане. Шея ужасно болела.

Кухня преобразилась. Еще вчера ночью она казалась жуткой, словно избушка старой ведьмы, с липкими пятнами и странными инструментами. Теперь же в лучах солнца, пробивающихся сквозь окна, она выглядела просто как комната в загородном доме одинокой старушки, тихо доживающей свой век.

С потолка свисали связанные белой ниткой травяные пучки. Солнце ложилось на поверхности из потемневшего дерева, проявляя ребристую текстуру. Стол был накрыт темно-красной скатертью. Несмотря на воздействие времени, находиться здесь было приятно. Комната сияла чистотой, а воздух пах свежестью. Ножи аккуратно разложены на столешнице, посуда убрана. Ни пятна, ни соринки.

Сзади скрипнула ступенька. Гилз несколько раз похлопал себя по щекам, разгоняя сон.

На кухню впорхнула дивной красоты девушка в темно-желтом платье. Совершенно не обращая внимания на Гилза, она подошла к плите и плавным движением включила конфорку. Достала кофемолку и небольшой холщевый мешочек с зернами. Доставая чашку, она резко повернулась к Гостену, затем отвела глаза, улыбнулась и достала вторую.

Словно кружась в танце, под аккомпанемент звона бытовой утвари, она довела кофе в турке до кипения. Четыре раза сняла и снова поставила на огонь. На пятый раз она крутанулась вокруг своей оси, держа турку в левой руке. Поставив кофе на подставку, взяла с полки небольшую банку с чер-

ным порошком. Быстро пробормотав что-то нараспев, кинула щепотку в напиток. Хорошенько постучав по дну турки, она разлила ароматный, спасительный напиток в чашки. Гилз, стоявший все это время как вкопанный, догадался сесть. Посмотрев ему в глаза, она снова улыбнулась своими очаровательными губами.

— Удачного пробуждения! Неужели ты спал прямо здесь? — спросила девушка, подвигая чашку ближе к Гилзу.

— Доброе! Да. Оказывается, я был настолько уставшим, что вырубился прямо так, — улыбаясь, ответил Гостен.

— Ты такой забавный! Завтракать будешь?

— С большим удовольствием!

Приготовив яичницу с беконом, она выбежала на улицу и вернулась с небольшим пучком свежих листьев шпината. Расставив тарелки, она села и опять что-то тихо пробормотала. Подмигнув Гилзу, начала есть. Расценив этот жест как «приятного аппетита», он тоже принялся за еду.

— Ты так интересно готовила кофе. Кружилась с ним, бормотала…

— Да, это меня бабушка научила, — перебила его девушка, и ее голос на секунду стал ниже. — Она делала это, чтобы злой дух не проник в нее вместе с напитком. Черный порошок — это особые специи. Именно так они и пили, — затараторила она, немного сбив дыхание.

— Ого… Да, я вроде слышал об этом. Кстати, а где твоя бабушка? — сделав небольшой глоток, спросил Гилз.

— Эх… Она давно умерла…

Гостен подавился.

— Но ведь… Вчера вечером… Разве…

— Эй! — опять перебила она, и ее улыбка стала немного шире, чем нужно.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Дело в том, что вчера дверь мне открыла старушка… Ее кажется… Точно! Она сказала, ее зовут Синзи!

— Это меня зовут Синзи! И это я вчера пригласила тебя! — Щеки девушки надулись. Она скрестила руки на груди, потом встала, крутанулась и, уперев руки в бока, продолжила: — Не называй меня старушкой, мне это очень не нравится!

На мгновение в ее глазах промелькнуло что-то маленькое, но чудовищно страшное. Словно крошечный черный бес пробежал по нижнему веку и растворился в черноте зрачка.

— Прости, прости! Я и не думал. Ночная дорога меня вымотала, я ничего толком не соображал… Да и темно было, вот и показалась! — торопливо извинялся Гилз, выставив ладони вперед. Но про себя он четко понимал: он видел страшную старуху. Образ редких седых волос и ссохшейся морщинистой кожи он не забудет никогда.

— Учти… — она сделала паузу и провела ладонью по своему идеально гладкому лицу. — В нашем городке многое лишь кажется. Но оно происходит на самом деле, — строго сказала Синзи.

Всего несколько секунд спустя она подхватила его за локоть и с сияющим лицом предложила:

— А давай я тебе город покажу!

Гилз только и смог что кивнуть.

Они неспешно шли вдоль домов совершенно разной архитектурной формы и эпохи. Одни напоминали старинные европейские часовни, другие были похожи на ржавые ангары. Улица напоминала сон с безумной, причудливой хаотичностью. Но все дома объединял цвет: темно-коричневое дерево, перемешанное с сажей и копотью. Некоторые строения и правда выглядели обгоревшими, но в них продолжала кипеть жизнь.

Краем глаза Гилзу показалось, что с одной крыши на другую прыгнул огромный, страшный, черный зверь с вытянутыми конечностями и оленьими рогами. Зверь спрятался за трубой дымохода. Гилз моргнул, но зверя не было. Он посмотрел на Синзи. Она все говорила и говорила, но Гилз не понимал ни слова. Только некоторые обрывки фраз долетали до него: …ритуалы… клятвы на крови… Гилз утопал в ее сладком голосе, его сознание словно плыло в странном тумане.

Проходя мимо фонтана со статуей человека с головой козла, они свернули к бару «Мертвые мысли».

Странный запах ударил в ноздри. Он был одновременно мерзким, гниющим, тошнотворным, но и сладким, пряным, обволакивающим душу.

Они сели за столик.

— Давай сегодня выпьем? — спросила Синзи.

— Вообще, я хотел завтра уехать отсюда, — неожиданно для себя, Гилз вдруг осознал, что плохо помнит, как он оказался в этом месте. Он словно вышел из состояния транса.

— Ой! Боюсь, у тебя это не получится сделать... Впрочем, немного выпить тебе не помешает, — улыбнувшись, сказала она.

Принесли напитки. Это был целый сет под названием «Чертова дюжина».

— Советую вот это, — подвигая ближе к Гилзу прозрачную рюмку с темной густой жидкостью, сказала Синзи.

Гилз пожал плечами и залпом выпил. Вкус был похож на сочетание горьких трав и земли. Проглотить это нечто было тяжело, будто комок грязи медленно стекал по пищеводу.

— Ну как? — спросила Синзи с нетерпением.

— Не очень, — мотая головой, ответил Гилз, слегка съежившись.

— Как тебе глаз?

— Эм... Какой глаз?

— Тогда понятно. Ну ладно.

Гилзу все больше казалось, будто он сходит с ума. Или это город для сумасшедших? Он задрал голову, чтобы размять затекшую шею, и окаменел.

Потолок «украшали» внутренние органы. Кишки, словно мясные новогодние гирлянды, тянулись от середины зала к

стенам, провисая под собственным весом. Сердце, печень, почки, глаза, желудки. На потолке висело явно несколько человек. Кровь медленно капала на пол, но посетители бара, казалось, этого не замечали.

«Это город безумцев… Я не верю… Кажется, меня сейчас вырвет! Это кошмар… Вот бы сейчас проснуться! Главное не подавать вида! От этих психов можно ожидать чего угодно!»

Желудок воротило. Во рту остался вязкий налет с привкусом железа и гноя. Его начало трясти. Гостен выдавил из себя, что намерен пойти и хорошенько выспаться. Синзи посмотрела на него с невнятной эмоцией разочарования. Проведя пальцем по стенке бокала, она пожала плечами и встала.

Они вышли на улицу. Шли молча. Голова болела, ноги тряслись. Его пугало это место. За все время, проведенное здесь, он ни разу не смог спокойно выдохнуть. Всем своим телом Гилз чувствовал: в этом проклятом месте творилось чудовищное, необъяснимое безумие. Синзи шла, не убирая улыбки с лица. Это пугало больше всего.

Они зашли в дом.

— Ты, наверное, хочешь в ванную? — лукаво спросила Синзи.

— Нет, нет. Не стоит… — Гилза все еще мутило. Лоб покрылся крупными каплями пота. Он мечтал принять ванну, но не здесь.

— Я очень рекомендую, — с интонацией, характерной для

женщины, обращающейся к сыну-подростку, сказала она.

— Мне как-то… неудобно.

— Я настаиваю! — голос ее стал резким, как хлыст.

— Ну раз настаиваешь. — Гилз из-за всех сил попытался широко улыбнуться. Осознав, что выбора у него нет, он сел в коридоре, пока довольная Синзи пошла набирать ванну. Сопротивляться он уже не мог.

Послушав равномерное журчание воды, Гостен почувствовал, как его отпускает внезапный приступ паники. Внутри себя он молил о том, чтобы все это закончилось.

— Все готово!

Сидя в ванной, Гилз понимал, что все еще находится в опасной ситуации, но наконец почувствовал небольшое расслабление. Чудесная, теплая вода с запахом фруктов. Он повернул голову к зеркалу. Его закрывала кружевная ткань.

«И зачем закрывать зеркало?»

Гостен встал. Ему показалось, что за тканью мелькнуло что-то неестественное. Какое-то черное пятно. Аккуратно подходя все ближе, на полусогнутых ногах, он вытянул руку. По телу пробежал холодок. Горло сжал спазм. В ушах стучала кровь.

Резко сдернув ткань, Гостен испуганно вдохнул и застыл. Пятно исчезло. Но он успел разглядеть в нем черный силуэт с большими белыми глазами.

«Надо уезжать. Прямо сейчас!»

Воздух в ванной тут же заполнился чудовищной смесью

едких запахов. Гостена вырвало прямо в ванную. Он мигом оделся и выбежал из комнаты. Несколькими широкими шагами пересек коридор и оказался у выхода. Рука схватилась за холодную ручку входной двери.

Плечо что-то сжало. Сжало настолько сильно, что рука тут же онемела. Гилз пытался дернуть ручку, но мышцы не слушались. Он медленно повернул голову.

Почти вплотную к его лицу появилось лицо женщины. На ее лбу зияли глубокие морщины. В темных волосах проступала седина. Кожа на ее глазах теряла упругость.

— Невежливо вот так уходить! — противным писклявым старым голосом закричало существо. — Тебе следует заплатить за свое пребывание здесь!

Ее серая когтистая рука медленно приближала к груди Гостена широкое острие кухонного ножа.

— Я… Я заплачу. Сколько? — Гилз стал осторожно тянуть руку к кошельку.

— О, дорогой мой, деньги мне не нужны. — очень спокойно начала она, и ее голос снова сорвался на визг. — Мне нужна энергия. Твоя жизненная сила! Видишь, как я постарела! Я должна кормить своего демона!

Нечеловеческий крик вырвался из горла Синзи. Она показала ножом на комнату позади.

— Скорее, пока я еще не совсем сгнила. Ты же не хочешь провести горячую ночь с той старушкой, какой я была при первой нашей встрече!

Ее рука резко схватила шею Гилза. С силой, не меньшей чем у гориллы, чудовище швырнуло его к двери, об которую он хорошенько приложился головой. Она небрежно затащила его в комнату и бросила на кровать. Гостен судорожно бегал глазами. Везде были разбросаны самые разнообразные инструменты.

«Надо бежать! Как?!»

Он заметил угол окна, которое наполовину закрывал тяжелый дубовый шкаф.

Несколько секунд Синзи пристально смотрела на него. Потом она все-таки положила нож и стала раздеваться. За это время она успела постареть еще сильнее. Отойдя в дальний угол, она взяла тяжелую цепь с металлическим ошейником.

С широкой улыбкой она стала неспешно подходить к кровати.

— Прости, милый, но я не хочу, чтобы ты убежал в самый трогательный момент.

— Ничего страшного, милая. Я понимаю, — Гилз хрипло сглотнул, напрягая все мышцы.

Синзи медленно приближала ошейник. Перед лицом неизбежного ужаса, собрав всю свою волю к жизни, Гилз сделал отчаянную попытку. Изгибаясь, он со всей силы ударил это нечто в образе старухи в живот.

На лице Синзи проступила гримаса ненависти. Она согнулась, пытаясь вдохнуть. Вместо крика вырвалось только

булькающее кряхтение. Гостен рванул цепь, перехватывая ей горло, и со всей дури пнул тяжелый комод, запирая ей путь.

Удушье заставило ее лицо синеть. Она пыталась освободиться, но Гилз уже прыгнул к окну. Осколки стекла посыпались наружу. Но Гостен повис в воздухе, всего в нескольких сантиметрах от земли, зацепившись за раму.

Две высохшие, страшные, серые руки с черными когтями схватили его лодыжку. Она не могла его вытянуть обратно — цепь на ее шее натянулась струной и не давала ей сделать ни шага. Ее тянуло в две стороны. Гилз истерично извивался всем телом, пытаясь вырваться. Гримасы агонии искажали лицо Синзи, так что уже невозможно было определить, что это за существо. Но мертвая хватка на его ноге не ослабевала.

4.Бежать

Гилз висел. До земли оставалось совсем немного, но мертвая хватка не разжималась. Однако ощущение скорой свободы дало ему ясность. Он схватил крупный осколок стекла.

Перестал думать и начал рубить.

Холодное стекло вонзалось все глубже. На лоб Гостена капала горячая, липкая кровь. Каждый удар был сильнее предыдущего. Когда пальцы Синзи, превратившись в окровавленные обрубки, наконец разжались, Гилз рухнул на землю, больно ударившись плечом. Голова кружилась. Тело би-

лось в мелкой дрожи. Он медленно, шатаясь, побрел к машине.

Рухнув в водительское кресло, он протяжно выдохнул и схватил ключи. Гостен уже видел, как мчится по шоссе, оставляя этот проклятый город позади. Ничего «круче» уже не будет. Он хотел домой.

Но машина не завелась.

Гилз повернул ключ еще раз. Снова.

Наклонив ухо, он услышал не рокот двигателя, а тяжелый, скрежещущий грохот сверху.

Входная дверь дома Синзи пролетела несколько метров и с грохотом упала на дорогу. Гилз поднял глаза. Изуродованное лицо ведьмы медленно стекало с крыши. Ее светящиеся глаза жадно пожирали его. Оставляя за собой шлейф красно-коричневой жижи, она полностью сползла на капот. На ее шее все еще висел ошейник с длинной цепью. Неуклюже размахивая руками, она пыталась раскрутить цепь и ударить по лобовому стеклу.

Гилз вдавил газ. Машина взревела, но осталась на месте — все четыре колеса утопали в глубокой грязи.

Крышу вдавило внутрь от чудовищного удара.

— Черт! — заорал Гилз, ударив кулаками по рулю.

Синзи продолжала стоять на капоте, вращая цепью и заливаясь высоким, противным смехом. Оглушительный звон. Лобовое стекло пошло паутиной трещин. Гилз успел закрыть лицо руками. Откинув цепь назад, она прыгнула прямо на

него, ломая остатки стекла. Гостен пригнулся и вдавил педаль в пол.

И тут Синзи резко потащило назад.

Она схватилась за шею, а глаза раскрылись в изумлении. Цепь намоталась на ось переднего колеса. Гилз давил на газ, пока двигатель не заглох с омерзительным скрежетом. Этого хватило. Рывком Синзи притянуло к колесу, ее тело нелепо вывернуло.

Гостен схватил огнетушитель, лежавший под пассажирским сиденьем, рванул дверь и выскочил из машины.

— Не надо… Умоляю… Не делай этого… — задыхаясь и кашляя кровью, просила Синзи. Ее лицо уже напоминало растекшуюся маску.

На мгновение Гилз замер. Ему стало жалко это несчастное, уродливое существо. Но потом голову охватил холодный, звенящий прилив безумия. Из его горла вырвался не крик, а истеричный, надсадный смешок.

— Да с чего бы! — прорычал Гостен.

Он поднял огнетушитель и обрушил его вниз. Еще раз. И еще. Превращая голову Синзи в кровавое месиво.

Немного отдышавшись, он выпустил тяжелый баллон из рук. Его мутило. Схватившись за голову, он побежал. Просто побежал вперед, в темноту.

Он видел только то, что находится впереди, да и то словно сквозь мутную воду. В ушах звенело. Ноги, движимые чистым животным страхом, отталкивали тело с удвоенной си-

лой. Он не слышал, как сам начал кричать. И не видел, какой ужас творится вокруг.

Город тонул в вязком, чернильном мраке. Никакой свет не мог пробиться через эту темноту. Нельзя долго смотреть в бездну, иначе она заметит тебя.

В домах, мимо которых бежал Гилз, творились вещи пострашнее нападения Синзи. Но он не замечал трупов, подвешенных за крюки, не видел луж крови, в которые наступал. Хаос, окружавший его, был слепым. Безумие не отражается в глазах безумца.

Ночь заметила Гилза.

Из домов, подъездов, переулков вслед за ним потянулись местные жители. Изуродованные, с окровавленными руками и пустыми глазами. К ним присоединились странные, уродливые твари, скользящие на четырех конечностях. А затем в толпе замелькали уже совсем нечеловеческие силуэты — бесформенные, сотканные из теней и дыма, парящие над землей.

Гостен заметил погоню. Нечеловеческий ужас отключил последние остатки логики. Он бежал быстрее. Сердце разрывалось. Ноги, казалось, вот-вот лопнут. Перед глазами все плыло, образы смешивались, превращаясь в кошмарный бред. Уши едва улавливали возгласы толпы, требующей крови для высших сил.

Бежать стало невозможно. Ноги уходили куда-то вниз, утопая в тине и воде.

Мгновение и звуки стали тише.

Гилз лежал, уткнувшись лицом в холодный мягкий мох. Он с трудом перевернулся и бросил взгляд в сторону города.

В небе, разрывая тучи, светился гигантский перевернутый крест, объятый багровым огнем.

Гилз закрыл глаза. Стук сердца разрывал грудную клетку…

5.Леший

Гилз очнулся. Солнечный свет ударил по глазам острой болью. Ноги гудели, а одежда и ботинки безнадежно промокли, источая запах тины.

Гостен лежал на деревянной скамье внутри полуразрушенной, почерневшей от времени избы. На столе стоял чугунный горшок. В нем что-то тихо булькало. Гилз с трудом приподнялся и заглянул внутрь. В мутной воде плавали головастики, которыми с жадностью лакомилась жуткая черная рыба. У нее была массивная нижняя челюсть, четыре глаза и ярко-красный плавник, который казался единственным ярким пятном в этой серой хижине.

«Опять какая-то чертовщина…» — подумал Гилз. Тело обсыпало мурашками, левый глаз дернулся.

Звук тяжелых, хлюпающих шагов заставил его нервы натянуться в струну.

В дверном проеме вырос огромный черный силуэт. Он

был до боли знаком Гилзу. Длинная, черная, свалявшаяся шерсть, массивное тело, напоминающее медвежье. Но вместо звериной морды — человеческое лицо с двумя большими, слегка светящимися белыми глазами. Руки и ноги одинаковых, неестественных пропорций. Шеи не было вовсе. А на концах конечностей вместо кистей и ступней торчали длинные, тонкие когти. Словно кто-то насадил на тонкие спицы старую плюшевую игрушку.

Облокотившись локтем о косяк и скрестив ноги, существо молча смотрело на Гостена. Гилз смотрел в ответ. Существо не казалось откровенно враждебным, а его поза уж слишком напоминала человеческую усталость. Однако от этих когтей можно было ждать чего угодно.

Молчание прервал черный силуэт.

— Ты напуган. И не подозреваешь, где находишься, — голос существа был приглушенным, словно говорящий был накрыт толстым ватным одеялом, но при этом хриплым и трескучим, от его вибрации содрогались стены. — Ночь выдалась для тебя тяжелой, раз ты уснул на болоте.

— Да… — с подозрением ответил Гилз.

— А может, ты хотел сбежать?

— Да. — Гостен старался не выдавать никаких эмоций.

— Ха… Ха… — театральный, пафосный смешок наполнил комнату эхом. — Очень жаль. Тебе не удастся.

— Потому что ты убьешь меня? — Гилз напряг все тело, готовясь снова бежать.

— Нет. Мне это не нужно. В этом нет необходимости. Тем более, на тебе уже стоит метка. На тебя есть планы. — Существо подняло длинный коготь и указало на грудь Гилза. — Я — Леший. Я лишь смотрю за темным лесом. Здесь много болот… А болото может убить. Из моего леса тебе не сбежать.

Гилз машинально коснулся руки. Он сделал эти татуировки, когда была группа. Да, символика спорная, но все это делалось исключительно для сценического образа. Гостен и представить себе не мог, что когда-нибудь его рокерский имидж будет обсуждать вполне настоящий Леший.

— Тебе лучше уходить отсюда, — продолжил дух, его белые глаза сузились. — Дикие звери не спят даже днем. А ночью у тебя не будет даже шанса.

— И куда мне идти?

— Можешь сходить в церковь. Вон там, в городе. Хотя… — Леший сделал паузу, и в его голосе послышалась странная, почти сочувствующая нотка, — …там все может закончиться куда быстрее.

Леший развернулся и тяжело зашагал в сторону леса.

— Можешь ответить на вопрос? — крикнул Гилз, делая шаг вслед за ним.

— Могу.

— Кто ты? Человек или демон? Почему ты похож на человека? Ты правда хочешь мне помочь?

— Как много вопросов. Я никому не помогаю и никому не причиняю вред. Я просто Леший. — Существо остановилось

у кромки воды. — Почему я похож на человека? Хм… Когда-то здесь жил егерь. Хороший мужик был. Помогал мне. За лесом следил. Но он утонул. Я забрал его тело, чтобы было проще говорить с такими, как ты.

Он отвернулся и пошел дальше, заходя в черную воду все глубже, пока она не сомкнулась над его головой.

Гилз остался стоять в тишине.

«Я только что разговаривал с Лешим… Что вообще за бред. Я ничего не понимаю. И кому какое дело до моих татуировок? Это просто абсурд…»

Он повернулся в противоположную сторону и пошел через топи. Перепрыгивая с кочки на кочку, хватаясь за мокрые ветки, он шел все быстрее. Идти становилось легче, почва твердела. Значит, он все ближе приближался к городу, от которого так стремительно убегал.

Лес кончался. Гостен заметил торчавшие из тумана острые башни и крыши домов. В воздухе витала легкая дымка, которая с каждой минутой превращалась в густой, неестественно серый туман.

«Леший прав. Надо идти в церковь, — подумал Гилз, сжимая кулаки. — Если в этом аду и осталось что-то святое, то оно непременно должно быть в церкви».

6.Незавидное положение

Подходя все ближе к городу, Гилз чувствовал, как ту-

ман становится густым, почти осязаемым. На домах остались следы вчерашнего пожара, обугленные балки торчали, как обглоданные кости, но при этом сами здания стояли совершенно целыми, не выдавая безумной ночи. На дорогах не было ни крови, ни обломков, ни людей. Казалось, город накрыло плотным ватным одеялом, а все его жители мирно спят, игнорируя происходящее.

Мостовая на широкой улице была выложена крупными, гладкими, белыми камнями. Приходилось идти почти на ощупь, постоянно поскальзываясь. Вокруг царила неестественная, звенящая тишина. Гостен ясно чувствовал: город не спит. Он смотрит. Чем дольше он оставался на улице, тем четче ощущал, что его хотят убить. Это было сложное, тошнотворное ощущение. Внутри одновременно смешивались страх, ненависть и странное, фатальное принятие.

В тумане пряталось что-то жуткое. То тут, то там Гилз замечал желтые, немигающие глаза, волосатые черные лапы с длинными когтями, темные силуэты, не похожие на людей. Иногда он слышал еле уловимое, хриплое дыхание. Демонические твари следили за ним, преследовали по пятам. Но почему-то не приближались. Их явно что-то сдерживало. Они не охотились. Они гнали его.

Сзади, совершенно неоткуда, раздались быстрые, легкие шаги. Кто-то приближался со сверхъестественной скоростью. Гостен остановился и очень плавно, стараясь не шуршать одеждой, стал смещаться к домам, пытаясь разглядеть

укрытие. Спрятавшись в узеньком переулке за несколькими деревянными ящиками, Гилз молча сидел, стараясь не дышать.

Не решаясь пошевелиться, он ждал. Разрезая туман, перед глазами пронеслась отчетливая красная тень. Потом мелькнула сзади. Где-то сверху. Гостен медленно поднял голову, но ничего не увидел. Опустив взгляд обратно, он окаменел. Прямо перед его лицом застыла жуткая черная маска с красным перевернутым крестом.

Гилз вздрогнул и нервно сглотнул. Его бесшумно окружили пятеро в длинных красных плащах и масках. Они приближались, их плащи стелились по брусчатке. Гилз выпрямился и поднял руки, сжимая кулаки. Как только один из них подошел достаточно близко, Гилз со всей дури ударил его прямо по маске. Раздался глухой звук. Это не дало никакого эффекта. Маска даже не дернулась. Ему мгновенно схватили руки, вывернули их за спину с нечеловеческой силой. Не издав ни звука, они повели его в неизвестном направлении.

С неба начала моросить мелкая, ледяная пыль. Единственное, что видел Гилз — это свои ноги, шагающие по каменной дороге. В нем царили смешанные чувства. С одной стороны, он был напуган. Но с другой — он настолько свыкся с мыслью, что «Dark Holiday» кишит демонами, что теперь все происходящее воспринимал как совершенно нормальный, пусть и кошмарный, порядок вещей.

Подняв голову, Гилз увидел фонтан. Тот самый фонтан

человека с козлиной головой. Но теперь статуя не просто стояла. Она медленно, со скрипом, поворачивала голову, провожая Гостена взглядом.

Дома, словно черные тени великанов, давили на него. Внутри все сжималось, ему казалось, что он совсем маленький и его вот-вот просто раздавит. И вот перед глазами выросла надежда — церковь. Гилз поднял глаза к небу, ища крест на шпиле.

Крест там был. Однако вместо радости грудь наполнило ледяное отчаянье. Крест был перевернут.

«Да… Бог покинул это место. Может, все с этого и началось?»

Они зашли внутрь. Пятеро его «попутчиков» почти одновременно произнесли какую-то гортанную фразу, эхом отразившуюся от сводов. Гостен не понял слов, но было очевидно: это не было приветствием Бога.

Внутри, на алтаре, возвышалась каменная статуя дьявола. У ее подножия стояли два огромных чана, до краев наполненных густой красной жидкостью. Вдоль стен горели черные свечи, коптящие под своды. В центре, образовав круг, на коленях стояли люди в красных балахонах и шепотом молились. Вдруг один из них вскрикнул и повалился набок. Громадный перевернутый крест, висящий в воздухе над алтарем, стал медленно опускаться, словно гильотина. Из тени алтаря вышли двое в черном, подхватили дергающееся тело убитого и без церемоний бросили его в чан. Красная жид-

кость выплеснулась на пол.

Гилза грубо толкнули влево, ведя вдоль холодной стены. Они подошли к небольшой, неприметной двери в полу. Лестница вела вниз. Дверь захлопнулась, отрезая слабый свет. Гостен стал аккуратно спускаться, осторожно наступая на скользкие ступеньки.

Внизу оказалось большое подвальное помещение. Горел тусклый свет. Стены были увешаны ржавыми инструментами пыток и жуткой ритуальной атрибутикой. Усевшись в самом темном углу, Гилз остался наедине с собой.

«Это конец… Я попал в плен к оккультистам… Не так я хотел закончить…»

До этого он как-то не задумывался, но тут, в сырой темноте, пришло простое и чудовищное осознание. Все это реально. Демоны, монстры, призраки, секты, оборотни, ведьмы, лешие, упыри — все это не бред и не наркотический трип. Они здесь, в «Dark Holiday». Неприятнее всего было понимать, что все эти твари хотели его растерзать, но в подвал посадили именно люди. Леший даже не пытался его пугать. А Синзи, наоборот, даже ценой своей жизни, пыталась сотворить с ним свои больные фантазии.

В противоположном углу подвала послышались шорохи, звон металла и тихое, хриплое кряхтение.

Гостен продолжал сидеть неподвижно. Он уже ничего не чувствовал. Внутри что-то треснуло, и он сдался. За эти дни было слишком много боли, страха, надежд и разочарований.

В голове была звенящая пустота. Похожее состояние было во время реабилитации, на самом дне. Пустота и полное смирение перед волей случая.

К Гилзу что-то приближалось. Звон тяжелой цепи о бетонный пол выдавал каждое движение. В безжизненных глазах Гилза не было даже страха.

— Да поможет нам Господь всемогущий… — вязким, слабым голосом заговорил кто-то в темноте слева. — Несчастный… Такой молодой, а угодил сюда, в руки безбожников…

Теплый, глубокий старческий голос. Гилз присмотрелся. Старец с седой, спутанной бородой, в длинной, грязной черной рясе, был прикован тяжелой цепью за правую руку к стене. Он сидел, сжимая в руке крест, свисавший с шеи.

— Вы священник? — совершенно безразлично спросил Гилз.

— Да, сын мой. Ох, я чувствую, как создания ада издевались над твоей плотью…

— Да уж… Я смотрю, над вами тоже.

Лицо священника было изрезано глубокими порезами и шрамами. На лбу был грубо вырезан перевернутый крест, из которого до сих пор сочилась кровь.

— Да, они истязали мое тело. Однако душа моя принадлежит Богу. Им не под силу забрать ее!

— Скажите, святой отец, какого дьявола здесь творится?

— Ох, сын мой… Не испытывай судьбу! Не произноси понапрасну имя зла! — священник тяжело перекрестился.

— Когда-то здесь было спокойно. Конечно, зло всегда было рядом, но мы боролись с ним! Это было давно… Ход времени здесь совершенно другой. Я был священником в другом городе… Ты заметил, сын мой? Здесь совсем нет детей! Но число местных не уменьшается. Кто-то приходит из прошлого, кто-то из будущего…

Священник сжал крест, его изуродованное лицо исказилось от ненависти.

— Гонимые отовсюду сектанты, оккультисты, сатанисты и их чудовища обосновались здесь. Сначала они были как все жители. Не выдавали себя. Но их злое начало проявило себя! Собираясь вместе, они стали проводить свои ужасные обряды. Зло стало проникать в эту землю со страшной скоростью. Люди стали заключать сделки с темными силами. Так это место стало жилищем для всех этих тварей.

— Благодаря сделкам люди стали получать силы и способности, — тихо заметил Гилз. — Разве это не способ выживания?

— Видишь ли, сын мой… Церковь использует символ святого креста как знак света. Безбожники тоже используют крест, но как символ тьмы. Смыслы и вера, вложенные в один и тот же символ, кардинально разные. Да, может, это и способ выжить… Но во имя чего?! — он сильно закашлялся, сплевывая кровь на пол.

— Кажется, я вас понял. Вы пробовали сбежать?

— Нет. Даже не думал об этом! — твердо сказал священ-

ник, звякнув цепью. — Даже во мраке, перед страхом смерти, я не могу оставить этих людей. Я должен бороться за их души! Такова воля Божья и таков мой долг! К тому же это невозможно. Темные силы не выпускают никого из своих лап. Слева — лес мертвых, под охраной Лешего. Справа — призраки, пожирающие душу и ворующие тело путников.

— Понятно… Неужели все закончится здесь?

— Не нам это решать! Молись и кайся, так твоя душа будет во спасении. Бог помогает мне. Меня до сих пор не убили. Бог защищает меня!

— Самое время уверовать. Отличная проповедь, — Гилз слабо, криво заулыбался.

— Не смейся, сын мой. Возьми мой крест. Моя кончина близка. Уверуй и спасешься!

Священник с трудом снял крест с шеи и протянул руку к Гилзу.

Но в его дрожащих пальцах оказалась лишь потрепанный, засаленный шнурок.

Самого креста не было. Священник сжимал в кулаке пустоту.

Гилз замер, глядя на пустой шнурок.

— Неужели помогло? — тихо спросил он.

— Да, сын мой… — старик улыбнулся, и его ослепленные, затянувшиеся белесой пленкой глаза смотрели прямо в душу. — Злобные твари истошно кричали, прикасаясь ко мне. Им удалось лишь добраться до моего лица, ослепив меня. Но

не им решать, когда мне умирать, а только Богу!

— Почему же вы чувствуете, что умираете?

— Я вижу ангелов…

После этих слов старик тихо выдохнул, его голова безжизненно упала набок. Он выставил два пальца, пытаясь перекреститься, но так и не успел. Цепь на его руке тихо звякнула и замерла.

7.Силы зла сгущаются

В церковь заходило все больше и больше людей. Это можно было понять по характерному шуму, доносившемуся сверху. Крики. Грохот. Удары. Сверху происходило что-то нехорошее.

Топот ног усилился, начались ритуальные песнопения. Крики, резко выделяющиеся на фоне молитвы, раздавались все чаще.

В подвале задрожали стены. С потолка стала капать кровь. Сначала это было всего несколько капель, затем они превратились в тонкую струйку. Гостен почувствовал, как комната перемещается вместе с ним. Стены затрещали. Пространство сжалось, стало круглым и в несколько раз меньше. Потолок превратился в металлическую решетку.

Через прутья Гилз увидел прямо над собой левитирующий перевернутый крест и толпу людей в красных балахонах, бегающих вокруг решетки. Шум становился тише. Тол-

па медленно останавливалась. Песнопения перешли в шепот. Как бы Гостен ни хотел это отрицать, он понял: он стал центром ритуала.

На секунду повисла мертвая тишина.

Оглушительный крик прервал ее, и прямо на Гостена хлынул поток крови.

В мгновение он был пропитан ею с головы до ног. Решетку сняли, и в комнату стали бросать тела и какую-то черную, маслянистую жидкость. Гилз только и успевал, что уклоняться от трупов. Тяжелый металлический запах бил в носоглотку, оставляя на языке солоновато-сладкий привкус и зудящий ком в горле. Голова разрывалась от боли.

Гилз стоял уже по пояс в этой омерзительной, густой и липкой жиже. Молитвы оккультистов превратились в истеричные крики. Крест над ним загорелся багровым пламенем.

Боль в голове усилилась до невыносимого. Но помимо головы, татуировки Гилза засветились ядовито-желтым светом и начали чудовищно жечь кожу, дополняя вонь запахом горелого мяса. Гилз корчился от боли, его крик слился с воем толпы. Боль, ненависть и жажда убийства затмевали разум.

Уровень жидкости поднялся уже до шеи. Ноги Гилза утопали в бетоне, который размягчился, как живая плоть. Он стал рычать демоническим голосом, не принадлежащим ему. Лоб разрывали два длинных рога, пробивающихся сквозь кожу. Зубы росли, разрывая десны и ломая челюсть. Одежда трещала по швам. Гилз становился больше. Все мышцы и

связки в его теле растягивались и рвались, а кожа с хрустом лопалась, обнажая черную, дымящуюся плоть.

Голова скрылась под слоем вязкой жидкости. Гилз выпускал воздух из легких. Он начал задыхаться. Трясясь в агонии, где-то глубоко внутри себя он прошептал: «Господи, я не хочу этого…»

Смерть подступала все ближе. Тело Гилза мутировало в демона, а он умирал в омуте собственного сознания.

Открыв глаза в последний раз, Гостен увидел свет.

В голове кто-то сказал: «Тогда беги отсюда!»

Гилз вернул контроль над телом, ощутив всю его нечеловеческую силу. Он присел и изо всех сил оттолкнулся от дна. Вырвавшись из ямы, он взлетел и приземлился прямо на горящий крест, висевший под потолком.

Увидев это, толпа упала на колени и радостно завыла: — Это демон боли! Поклоняемся тебе, о великий демон! Мы воскресили тебя и готовы отдать наши души!

Смотря на них, Гостен расхохотался. Он хотел крикнуть: «Нет, вы меня не убили! И душа все еще в теле! Не вам решать, когда меня убивать! Моя душа — это моя душа!» Но он не смог сказать это вслух. Только выставил средний палец и прыгнул к окну, разбивая его своим телом.

Внутренний голос изменился. Теперь он звучал как суровый, хриплый голос жесткого старика:

«Убей их. Разорви всех. Ты — сила. Ты — смерть.»

Демон пытался захватить разум, вопя о смерти, убийстве

и проклятиях. Но Гилз сжал зубы и подавил его волю.

«А ведь эта церковь по-любому раньше была святым местом», — подумал он.

Сделав еще один мощный прыжок, Гилз вылез на крышу церкви. Не успев толком оглядеться, его обступила группка демонов и монстров. Они почувствовали, что Гилз еще жив. Их становилось все больше. Уродливые разлагающиеся тела, звероподобные существа, мутированные насекомые гигантских размеров, полупрозрачные призраки со светящимися глазами, вампиры с серой кожей и длинными когтями, рогатые демоны, плюющиеся огнем, омерзительного вида ведьмы с ужасными мелкими глазами по всему лицу.

Они все ближе подходили к Гилзу. Он медленно отходил назад.

На крышу запрыгнуло оно. Вероятнее всего, самое могучее из всей этой стаи. Нечисть остановилась, расступаясь перед ним. Козлиная голова с вытянутым тонким телом. Его конечности напоминали одновременно и человеческие, и звериные. Он напоминал статую на фонтане, но теперь он был жив. Тупой козлиный взгляд сверлил Гилза насквозь.

Сделав еще несколько шагов назад, Гостен уперся в столб, на котором когда-то крепился металлический крест церкви. Отступать было некуда. Посмотрев себе за спину, он увидел только пропасть вниз.

Козлиная голова выставила руку вперед и истерично закричала на непонятном языке. Из толпы тут же вылетел чер-

ный пес, окутанный черным дымом, и вцепился в руку Гостена. Кровь брызнула вниз, руку начало жечь, как от раскаленного металла. Гостен ударил пса по морде, и тот отлетел на несколько метров, истошно скуля.

Толпа стала быстро приближаться.

«Есть у меня для вас кое-что!» — подумал Гилз.

Он оторвал висящий на столбе перевернутый церковный крест и со всей силы ударил им по приближающемуся здоровенному пауку с человеческой головой. Паук взвизгнул, его тело начало дымиться и превращаться в пепел, исчезая прямо на глазах.

Крест жжет руки Гилза, оставляя глубокие ожоги, и светится ярким желтым светом — светом святой силы, которая все еще живет в этом месте.

«Я знал, что это сработает! В божьем месте должно было остаться хоть что-то святое!»

Размахивая своим новым оружием, Гостен пробивал себе путь, идя напролом сквозь толпу. Руки жгло, они все больше покрывались волдырями и ожогами, причиняя огромную боль, но Гилз только сильнее сжимал крест. Уничтожая все больше и больше тварей, он начинал уставать. Демон внутри него рычал, требуя крови, но Гилз подавлял его.

«Надо бежать! Если слева непроходимый лес, я смогу выйти справа!»

Прыгая с крыши на крышу и превращая в дым встающих на пути чудовищ, Гилз стремительно приближался к концу

города. Спрыгнув с крыши последнего дома, он оглянулся. Его преследователи не решались пойти за ним. Они стояли на краю, глядя ему вслед.

Гостен вошел в лес. Туман сразу сомкнулся за его спиной, отрезая путь назад.

8.Не верю

Лес оказался сухим и легкопроходимым. Под сводом высоких сосен не росло ни густого подлеска, ни колючих кустарников. Чем дальше шел Гилз, тем легче становилось идти. Лесной покров под ногами, с корнями и кочками, становился ровнее. Лес словно расступался, становился прозрачным. Только могучие стволы сосен светились в лунном свете.

Гостен замер на несколько секунд. Ему стало невыносимо тоскливо. В носу неприятно закололо, и из глаз упало несколько горячих капель. Он упал на колени и закрыл лицо обожженными руками. Он плакал. Не от страха. От облегчения. И от понимания, что он никогда не сможет рассказать об этом.

Вокруг него тут же стали кружиться черные потоки дыма с человеческими лицами. Проходя сквозь тело Гилза, они словно забирали что-то очень важное и дорогое сердцу. Воспоминания. Имена. Лица.

«Так и знал. Здесь нельзя расслабляться!»

Гостен схватил крест. Он стал в разы тяжелее и уже почти не жег руки. Святое место отпустило его.

«Да вы для меня никто. Я через такое прошел».

Гилз побежал. Мышцы ног налились жгучей кровью, тяжелая одышка мешала нормально вздохнуть, боль пронзала грудь, а в глазах начало темнеть.

— Свет… — прошептал Гилз и упал, как камень.

***

Очнулся он в машине скорой помощи. Ему дали успокоительное и внимательно осматривали на переломы и внутренние кровотечения. Но кроме глубоких ожогов на руках, ничего серьезного врачи не обнаружили. На вопрос «от чего ожоги?» Гилз хрипло ответил: «Костер. Заблудился в лесу». Врачи переглянулись, но записали.

В полицейском участке ему рассказали, что его нашли лежащим у обочины какая-то молодая пара. Они подумали, что его сбила машина, и вызвали помощь. Офицер долго допрашивал его, не помнит ли он машину, не видел ли он виновника. Гилз рассказал, что просто заблудился в лесу и упал в обморок от голода и обезвоживания.

Так как в его крови не обнаружили никаких подозрительных веществ, а в карманах — ничего, кроме кошелька и засаленного шнурка, его просто отпустили.

«Они все равно не поверят, — думал Гилз, выходя из

участка. — А с учетом моего прошлого, подумают, что я опять взялся за старое. Наркоманский бред. Галлюцинации».

В банке он взял небольшой заем. По автомобильным правам из кошелька, чудом уцелевшим в кармане разодранной куртки, снял деньги и взял номер 119 в дешевой московской гостинице.

Стоя у зеркала в ванной, он долго смотрел на свое отражение. Его татуировки — пентаграмма, перевернутый крест, число 666 — превратились в черное, бесформенное месиво, словно кто-то выжег их изнутри. Руки были усыпаны красными пятнами — шрамами от ожогов, которые не заживут никогда. По всей голове появились седые пряди, хотя ему было всего тридцать три.

Он открыл ладонь. На ней, вперемешку с пеплом, лежал маленький, оплавленный кусочек металла. Обломок церковного креста. Гилз сжал его в кулаке и тихо рассмеялся.

Наконец он рухнул на кровать и закрыл глаза.

«Что я пережил? Это был кошмар. Но я выжил. Что это за проклятое место и почему я никогда о нем не слышал? Может, я единственный, кто знает о нем? Что помогло мне выбраться?

Вера?

Но ведь даже после всего пережитого я не верю в Бога. Я вообще ни во что не верю.

Как символично, что все это произошло именно со мной.

Мы ходим по очень тонкому льду, играя чужими символами. Мы живем в мире, который выдумали сами, не считаясь с правилами тех, кто был до нас. Кем бы они ни были, надеюсь, они не всерьез. Они просто смеются. И этот смех… Не стоит того отчаяния, которое мы носим в своих сердцах. Мы сами создаем свои миры, утопая в их кошмарной сути. Если это и правда произошло, то я надеюсь никто мне не поверит. Никто не должен увидеть то, что видел я. Иначе эта ужасная бездна поглотит нас всех.»

Shadow Tepes

«Это чудовищная правда умрет вместе со мной. Теперь я уже не вижу смысла в моих попытках раскрыть эту ужасную тайну. И ради чего? Мне никто не верит. Узнав истинную сущность людей, окружавших меня, я уже и не хочу спасать их.»

***

— Всем привет, давно я ничего не выкладывал… Дело в том, что я немного устал от соц. сетей, и решил взять небольшой перерыв. И вы, конечно, скажите: это все здорово, но где новые выпуски «Убойный Рок»? Не переживайте! У меня есть одна группа… Не хочу пока раскрывать, скоро все узнаете! — Томас сделал паузу. — Ну как, было?

— Да! Мне кажется супер. Тем более это «сторис»… Выглядишь супер, — высокий тонкий парень по имени Лоуренс подбадривал Томаса. Он всегда его поддерживал, от чего Томас сильно подозревал длинного в неоправданно избыточной лести.

— Спасибо, Лоуренс! Ты как? Побежишь уже? — спросил Томас, снимая джинсовую жилетку с нашивками. Она только для видео.

— Да… Я бы пошел. Сегодня мы много отсняли, еще монтировать… А я бы в боулинг сходил. Может с нами? — Лоуренс облокотился о стену спиной и, скрестив руки на груди, с ухмылкой посмотрел на своего друга.

— Ну… — сидя за столом, Томас тут же принял задумчивую позу, скрестив руки на затылке. — Даже не знаю. Сейчас подумаю. Погоди немного — на самом деле он ни о чем не думал. Скорее он ждал кого-нибудь толчка или импульса, который поможет ему сделать выбор.

— Да погнали! Дела сделаны… Так что, давай. — Лоуренс стал подходить к столу.

— Все будут? — слегка улыбаясь, спросил Томас.

— Может не все… Но точно самые лучшие! — Лоуренс сел на угол стола. Это раздражало Томаса. И Лоуренс любил иногда встряхнуть своего друга, специально действуя на нервы.

— Слезь… — медленно произнес Томас, пытаясь оставаться одновременно серьезным и при этом сдержать улыбку.

— Не-а…

— Ты же специально?

— Ага, — Лоуренс кивнул, сильно наклоняя голову, нарочно провоцируя Томаса еще сильнее.

— Паразит, — Томас наклонил голову вправо и, не в силах бороться со своим лицом, улыбнулся, долго и протяжно выдыхая. — Ладно, поехали!

— Чего сидишь!

— Это ты уже зря!

Томас подскочил с места, а тонкий, ждавший все это время именно этой реакции, подскочил со стола, побежал к выходу, схватив сумку с кресла у входа. Томас пытался его догнать, но Лоуренс оказался быстрее.

Стоя у машины, Томас стал оправдываться, что длинные ноги — это сильное преимущество, но, не долго рассуждая, махнул рукой, достал ключи, и они поехали в их любимое местечко, в котором зависали еще со второго курса университета.

— Ого! Это же он! — Майк, как всегда, первым заметил Томаса и, поправив круглые очки, выставил палец в их сторону.

— Привет, ребята! — Клэр стала махать рукой. На ней была красная клетчатая рубашка, а в ушах блестели сережки с черепами.

— Здрасте! Здрасте! — Лоуренс пожал руку Майка и сел за столик.

— Да, Томас… Порадовал! Давненько мы тебя не видели!

— Три недели всего.

— А как будто три года! — она обняла Томаса, но тут же отдернула себя. — Ты садись…

— Рад вас видеть! Хорошо выглядите. — Томас посмотрел в лицо Клэр. — Сережки очень красивые.

— Спасибо, — слегка помассировав мочку уха, ответила

Клэр.

— Лоуренс, ты как? А то тоже пропал. Это тебя так работой завалило? — Майк взял бокал холодного пива, от чего его рука сразу стала мокрой.

— Конечно! — возмущенно ответил Лоуренс. — Томас разошелся! Я монтировать не успеваю, а он зовет еще снимать. Мне еще с прошлыми клиентами разобраться надо, а он все подкидывает! — откинувшись на спинку дивана, добавил он. — Ну теперь хоть платит. Можно только Томасом и заниматься.

— О как! — Майк повернулся к Томасу. — Поздравляю! Значит, получается?

— Наконец-то да…

— А с работой что? Ты вроде с начальством ругался? — спросила Клэр.

— Да… Надо сказать, начальник у меня теперь паршивый. Я теперь на себя работаю…

На несколько секунд Клэр и Майк застыли.

— Сегодня угощаешь, получается? — после небольшой паузы спросил Майк, постучав пальцами по столу.

В этом уютном месте всегда играла приятная музыка. Не слишком спокойная, не слишком динамичная. Звонкий стук сбитых кеглей и гул катящегося шара давали этому пространству объем и уют. Возвращаясь сюда, Томас чувствовал, что здесь всегда сидят его друзья и что для них он обычный Том. Они снова сидят, перебрасываясь новостями и со-

бытиями, в ожидании вечно опаздывающих, чтобы начать игру. Томас знал, что рано или поздно он скажет о своем успехе. Друзья, конечно, поддерживали его мечту, но никогда не верили в нее по-настоящему. Сейчас все поменялось. Они поздравляют его и желают расти выше. Немного завидуют и стараются вести себя чуть уважительнее. Теперь он не просто мечтатель. Его увлечение стало серьезным делом. Самое главное, что их общее студенческое увлечение музыкой воплотилось в нем, став символом их вечной молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.